

18.10.97.

Мариманбеков Тогрул

Тогрул НАРИМАНБЕКОВ:

Труда - 1997. - 18 окт. - с. 5

«ЛЮБИТЬ И ТВОРИТЬ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО»

Прославленный художник вновь обрел пристанище на родине

Лучшей мастерской для Тогрула Нариманбекова и придумать невозможно. Вросший в землю старинный двухэтажный особняк в бакинской Крепости — замшелый, с темными, словно патина, отметинами прожитых лет — будто сошел с его собственных полотен. Шестнадцать ступенек, почти вертикально ныряющих вниз, упираются в кованую чугунную решетку ворот. За ними — закрытый дворик-колодец и снова лестница, так же круто взлетающая вверх, к веранде второго этажа.

Здание было передано художнику по распоряжению президента Азербайджана в прошлом году. Дело в том, что Тогрул Нариманбеков — один из наиболее ярких и прославленных живописцев республики и всего бывшего СССР — уже пять лет живет и работает за рубежом. Но и о родине не забывает, так что новоприобретение — очень кстати. Правда, требует основательного приложения сил и средств. Наверное, в этот приезд художнику не удастся заняться своим пристанищем: до конца визита у него совсем другие планы. Встречи с близкими и друзьями. С городом, к расставанию с которым привыкнуть не может. И главное: сольный концерт в сопровождении Камерного оркестра.

Вот с этого, с возвращения художника к давнему своему — нет, не увлечению даже, а еще одной форме творческого самовыражения, вокалу — и началась наша беседа на открытой, продуваемой ветрами веранде дома-мастерской Тогрула Нариманбекова. А то, что к разговору подключилась и жена художника Севиль, только придало ему большую открытость и теплоту.

— За 25 лет, что минули с нашей первой встречи, произошло столько перемен: и в мире, и в стране, и в вашей жизни. Какая из них лично для вас оказалась наиболее значительной?

Тогрул Нариманбеков: — Возможно, вы полагаете, что я скажу — возвращение к вокалу? Если это и так, то только отчасти, потому что с пением я по существу и не расставался. Нет, куда важнее другое: обретенная нами свобода. То, что я, как и любой другой человек, могу жить и работать за границей, свободно передвигаться по миру и не быть при этом преданным анафеме, — это не просто значительная, а прямо-таки невероятная перемена. В том же 1972 году подобное и представить себе было невозможно.

Кстати, чуть раньше, в конце шестидесятых, я едва не остался за рубежом. Я чем-то не приглянулся министру культуры СССР

Фурцевой, и по ее распоряжению мои картины снимали со всех все-союзных выставок. А тут в 1969-м я впервые попал в Париж. Ко мне очень тепло отнесся Андре Мальро, тогдашний министр культуры Франции и человек весьма авторитетный в мире. Так что соблазн остаться во Франции был велик, но это означало бы навсегда оказаться отрезанным от дома, от Баку...

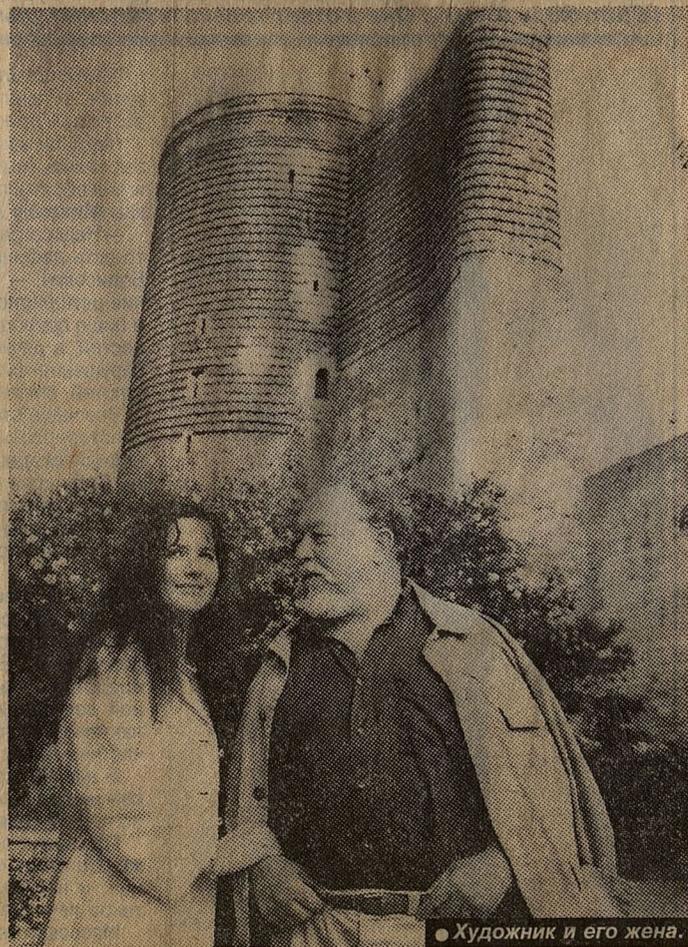
Что же касается пения и моего решения выйти на сцену — то это тоже, если посмотреть, следствие обретения свободы, но только внутренней. Препятствия строго следила за тем, чтобы каждый оставался в обозначенных для него рамках. Когда-то я посещал Вильнюсскую консерваторию — как волнослушатель, т.е. только специальные классы, а посему и диплома об ее окончании не получил. Это автоматически закрывало путь на профессиональную сцену. Теперь вот наверстываю упущенное. Каждое утро для нас с Севилью — она прекрасный аккомпаниатор, — начинается с занятий вокалом: час-полтора ежедневно.

— Можно предположить, Севиль, что и без вашего влияния тут не обошлось?

Севиль Нариманбекова: — Хочется думать, что так. Я знаю, как увлечен он музыкой, как много она значит для него — сегодня, пожалуй, больше даже, чем живопись, хотя рисует он по-прежнему много и по-прежнему (это не только мое мнение) очень интересно. Имя Тогрула, вы, наверное, знаете, внесено во Всемирную энциклопедию искусств, он много выставляется, его работы имеют большой спрос. Нет такой недели, чтобы у нас — а мы снимаем квартиру в Париже — не было посетителей. Приезжают со всей Европы и даже Америки, чтобы купить или просто посмотреть работы.

— Прежде чем обустроиться во Франции, вы, кажется, успели пожить в Америке?

Т.Н.: — За пять лет мы поменяли три адреса: два года жили в Штатах, потом некоторое время — в Люксембурге... Работать, пожалуй, лучше в Нью-Йорке — туда все

Художник и его жена.

очевидней перемещается центр мирового искусства, но жить спокойней, комфортней во всех смыслах в Париже. Однажды — а это был день смерти отца Севиль, она захандрила, стало беспокоить сердце... Мы перепугались — все же одни в чужом городе — и решили вызвать «скорую». Я набрал «911». То ли от волнения я не смог все правильно объяснить, то ли там вообще так принято, но буквально через пять минут к дому с ревом сирен подкатывает кавалькада машин — сразу все службы: медки, полицейские с дубинками и наручниками, пожарные. Все вваливаются в квартиру, Севиль — на носилках в машину и на всей скорости под завывание сирен — в больницу. В реанимации — бригада врачей, десятки анализов — ничего, все в порядке. Я, видя, что Севиль из-за всей этой суматохи еще хуже, робко спрашиваю: «Может, хоть валлод дадите?» «Нет, — говорят, — это для нее слишком сильный препарат». В общем, отлежалась немного, возвращаемся пешком. Се-

вил, смущенная устроенным переполохом, себя успокаивает: «Ничего, по крайней мере, бесплатно обследовалась». А через неделю — счет на 800 долларов...

С.Н.: — Наученная горьким опытом в Америке, я решила, что в Париже лечиться не будем. А там обязательное медицинское страхование, которое распространяется и на нас, поскольку мы получили вид на жительство. В один из дней приходит уведомление: «Вам надлежит выплатить годовой взнос...» Я, не глядя, отложила его в сторону: болеть не собираемся и платить не будем. Через какое-то время — опять извещение, тон на сей раз построже: «Напоминаем...» Я по-прежнему не реагирую. И тут приходит третья бумага — одни восклицания: «Предупреждаем! В случае невыплаты...» и т.д. Я кинулась к знакомым: «Это серьезно?» Серьезней не бывает, говорят. Не только из квартиры выкинут, но и вида на жительство лишат. Я, естественно, тут же побежала платить по всем взносам, да еще пени. С французс-

ким законом лучше не шутить: здесь самые строгие во всей Европе порядки. Да и люди суше, чем в других местах, что имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, встретишь знакомую или соседку по дому, и если даже ты вся перебита и на костылях — лишь улыбнется вежливо и пойдет дальше. Никому ни до чьих проблем дела нет. С другой — идет по оживленной улице (я видела сама) Катрин Денев. Все ее, понятно, узнают, кто-то искоса чуть дольше смотрит, но никто не бросается наперерез, не пытается выказать знаки внимания. И потому каждый — независимо от возраста, пола и цвета кожи — чувствует себя в Париже абсолютно спокойно.

— В Париже вы живете уединенно?

Т.Н.: — Нет, совсем не уединенно. Хотя я, например, стараюсь держаться подальше от эмигрантских кругов — с их интригами и непонятной мне амбициозной возней. Но мы бываем в театрах, на выставках, встречаемся с друзьями и знакомыми. Среди них и французы, и иностранцы, и бывшие соотечественники, чета Ростроповичей, например. Но главное все же — работа. Совсем не богемная жизнь.

— А вас, Севиль, муж часто рисует?

С.Н.: — Очень. Обычно человеку не нравится собственное изображение. Но на тоггуловских портретах я всегда себе нравлюсь.

Т.Н.: — У нас с ее портретом была забавная история. Иностранцы почему-то не могут произносить имя Севиль, поэтому я им представляю ее так: Севилья. В Люксембурге у меня проходила выставка, и одно из полотен, где она изображена на балконе, я подписал: «Севилья отдыхает». Выставка открылась, получаем газеты, читаем рецензии: «Большое место в творчестве Нариманбекова занимает испанская тема. Особенно удалась художнику картина «Севилья отдыхает».

С.Н.: — Наш дом — там, где мы вместе.

Т.Н.: — Жаль только, опять приходится расставаться с насыщенным местом. Мы уже сдали свою парижскую квартиру и сразу после отпуска переезжаем в Италию. Мне предложили участвовать в проекте, который будет осуществляться в Милане и Турине. Подробности пока раскрывать не могу, скажу только, что связан он как с живописью, так и с вокалом.

Беседу вел Тунзале КАСУМОВА, соб. корр. «Труда».

БАКУ.

Фото Р.НАГИЕВА.